

Когда обо всем узнаешь последним: эвиденциальность в хваршинском языке

© 2024

Ева Егоровна Полякова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
tabaqui33@gmail.com

Аннотация: Характерной особенностью нахско-дагестанских языков считается наличие эвиденциального противопоставления между некоторыми из форм внутри системы глагольных времен, маркирующих (не)прямой доступ к информации. В хваршинском языке такими формами являются две синтетические формы прошедшего времени. Однако наши данные позволяют предположить, что в основе их противопоставления лежит нечто иное, нежели указание на тип источника информации, которое носит скорее имплицитный характер. В частности, мы делаем вывод о том, что, во-первых, оппозиция этих форм является привативной, а во-вторых, значение маркированной формы удобно описывать как «запоздалое получение информации говорящим», при котором получение информации происходит позднее, чем сама ситуация, о которой идет речь.

Ключевые слова: нахско-дагестанские языки, прошедшее время, хваршинский язык, цезские языки, эвиденциальность

Благодарности: Исследование проведено в рамках проекта РГГУ «Полевое исследование грамматической семантики хваршинского языка» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»). Автор выражает благодарность носителям хваршинского языка, которые работали с ним: Хизриевой Аминат Ахмедовне, Хизриевой Мадине Ахмедовне, Хизриеву Магомеду Ахмедовичу, Шихсаидову Давуду Шихсаидовичу, Шихсаидовой Заграт Газиевне, Шихсаидовой Сапият Шихсаидовне. Автор также благодарит за помощь при подготовке статьи Ирину Михайловну Горбунову, Александру Сергеевну Евдокимову, Ксению Владиславовну Ерохину и Григория Олеговича Сибилева.

Для цитирования: Полякова Е. Е. Когда обо всем узнаешь последним: эвиденциальность в хваршинском языке. *Вопросы языкознания*, 2024, 4: 77–95.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.4.77-95

When you are the last one to know: Evidentiality in Khwarshi

Eva E. Poliakova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; tabaqui33@gmail.com

Abstract: One of the common features of the Nakh-Daghestanian languages is the evidential opposition between some of the past tense verb forms, which mark (in)direct access to the information. Khwarshi has two synthetic past forms that are traditionally considered to form this kind of opposition, but, according to our data, it may in fact not be based on the type of information source. We conclude that, firstly, it is privative, and, secondly, the meaning of the marked form can be described as the “late access” to the information and is used when there is a gap between the time of getting the information about the event and the event itself.

Keywords: evidentiality, Khwarshi, Nakh-Daghestanian, past, Tsezic

Acknowledgements: This research was made as a part of the RSUH project “Field study of the Khwarshi language” (the competition “Student project research teams of RSUH”). I express gratitude to the native speakers of Khwarshi who have worked with me: Aminat Khizrieva, Madina Khizrieva, Magomed Khizriev, Davud Shikhsaidov, Zagrat Shikhsaidova, Sapiyat Shikhsaidova. I am also grateful to Irene Gorbunova, Aleksandra Evdokimova, Ksenia Erokhina, and Grigorij Sibilyov for their assistance in preparing the article.

For citation: Poliakova E. E. When you are the last one to know: Evidentiality in Khwarshi. *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, 4: 77–95.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.4.77-95

Введение

«Эвиденциальность» — термин, который имеет два употребления: он описывает, во-первых, определенную семантическую зону, а во-вторых, грамматическую категорию, граммы которой выражают значения из этой зоны. И в том, и вдругом случае речь обычно идет об указании на источник информации (“Evidentiality deals with the source of information for the speaker’s utterance”¹ [de Haan 1999: 2]). Изучению грамматических средств ее выражения в языках посвящено множество работ; из тех, которые дают общее представление о вопросе, стоит упомянуть монографию [Aikhenvald 2004], в которой категории эвиденциальности дается всестороннее освещение, а также сборники статей [Chafe, Nichols (eds.) 1986; Aikhenvald, Dixon (eds.) 2003; 2014; Храковский (ред.) 2007; Aikhenvald (ed.) 2018], рассматривающие эвиденциальность с типологической точки зрения, в том числе в конкретных языках, языковых семьях и языковых ареалах.

В семантической зоне эвиденциальности выделяют две области, соответствующие прямому и непрямому доступу к информации. Под прямым доступом подразумевается, что говорящий сам был свидетелем ситуации; под непрямым — что говорящий узнал о ситуации из какого-либо косвенного источника. Получение информации с помощью зрения относится к первому типу, второй же предполагает получение ее от других людей (репортатив²) или при помощи логического вывода на основе другой наблюдаемой ситуации (инферентив) или знаний о мире (презуптив) [Храковский 2007: 604]. Получение информации с помощью слуха или других органов чувств (осознания, обоняния и вкуса) может в зависимости от устройства эвиденциальной системы конкретного языка относиться как к прямому, так и к непрямому доступу [Там же: 604–605]. Перечисленные значения по-разному противопоставлены в разных языках: есть системы с двумя, тремя, четырьмя и даже пятью эвиденциальными граммами [Aikhenvald 2004: 23–66].

Для маркирования источника информации могут использоваться специализированные взаимоисключающие показатели, что позволяет постулировать наличие в языке грамматической категории эвиденциальности. Однако эвиденциальность может выражаться совместно с другими категориями, например, вида или времени. В таком случае говорят об эвиденциальных стратегиях [Ibid.: 105]. В одном языке могут сосуществовать разные способы выражения эвиденциальности, в т. ч. грамматические показатели, не образующие однородной категории [Ibid.: 80–87].

¹ «Эвиденциальность имеет отношение к источнику информации, стоящему за высказыванием говорящего» [de Haan 1999: 2].

² Согласно [Aikhenvald 2004: 177–178], внутри зоны репортатива может существовать еще одно противопоставление: особый маркер используется, когда человек — источник информации — эксплицитно указан; для таких случаев А. Ю. Айхенвальд использует термин «квотатив», который не следует путать с квотативом как маркером цитации по определению [Güldemann 2008: 3–15], (см. также раздел 1).

Зачастую трудно провести границу между эвиденциальностью и категориями, выражающими значения из смежных семантических зон, такими как миративность и эпистемическая модальность. Кроме того, в ряде работ обсуждается вопрос о том, действительно ли те или иные показатели, традиционно рассматривающиеся как эвиденциальные, выражают указание на источник информации, или же их значение не вполне соответствует такому определению. Так, Ж. Лазар, предлагая объяснение распространенному во многих языках совмещению у одной формы инферентивного и репортативного значения с миративным (т. е. указанием на неожиданность информации для говорящего), предлагает ввести для описания таких систем категорию медиатива [Lazard 1999: 96]. Постулирование такой категории имеет смысл, в частности, для систем, в которых глагольная форма перфекта (или восходящая к нему) является маркированной, противопоставлена другой (обычно нейтральной, т. е. не несущей никакого дополнительного значения) форме и может использоваться в инферентивных, репортативных и миративных контекстах. По мнению Ж. Лазара, общим для всех этих использований можно считать только наличие отсылки к источнику, стоящему за высказыванием говорящего, не несущей какой-либо информации о природе этого источника («...these marked forms make reference to the evidential underpinning the Statement but provide no Information about the specific nature of the evidence» [Lazard 1999: 98]).

Похожим образом Л. Юхансон вводит на материале тюркских языков категорию индирективности, семантика которой заключается в добавлении к основной выражаемой пропозиции указания на сам факт получения информации об этой пропозиции, при этом тип источника не специфицируется [Johanson 2003]. Л. Юхансон, впрочем, не говорит о том, что такое значение не соответствует семантике эвиденциальности, определяя последнюю как «утверждающую существование источника информации» как такового [Ibid.: 274]. При таком определении эвиденциальности в фокус внимания попадает ситуация получения информации, а то, что дополнительно говорится об этой ситуации (и говорится ли вообще), может варьировать от языка к языку. Ситуация получения информации фигурирует также в описании семантики конкретно-языковых глагольных форм. Например, в главе грамматического описания цахурского языка, посвященной глагольным категориям, предлагается описывать поведение серии форм с неатрибутивным вспомогательным глаголом в терминах «отстранения» говорящего от ситуации, связанного в том числе со степенью вовлеченности говорящего в ситуацию получения информации [Майсак, Татевосов 1999: 231–232].

Говоря о параметрах, характеризующих ситуацию получения информации, мы можем, помимо типа источника, указать расположение этой ситуации на временной оси. Так, эвиденциальные показатели в некоторых языках дифференцированы относительно не типа источника информации, а времени ее получения (evidence acquisition time, EAT). Например, в узбекском языке один инферентивный маркер указывает на то, что сделанный говорящим логический вывод основан на доступных ему последствиях произошедшего события (ситуация предшествует EAT), тогда как второй — на то, что само событие или происходит параллельно наблюдению его признаков, или произойдет позднее (EAT предшествует ситуации или совпадает с моментом ее реализации) [Üzüm 2023]. Ю. Хираяма и Л. Мэтьюсон при обсуждении дистрибуции эвиденциальных операторов в нескольких языках делают вывод о том, что их семантика включает указание на относительное расположение во времени самой ситуации и EAT [Hirayama, Matthewson 2022]. В работах [Коев 2011; 2016] рассматривается употребление болгарских глагольных форм, восходящих к перфекту и, согласно предшествующим анализам, маркирующих непрямой доступ к информации [Izvorski 1997; Sauerland, Schenner 2007]. Т. Коев приводит контрпримеры к такому подходу и предлагает альтернативный анализ, согласно которому эвиденциальный маркер в болгарском вводит дополнительную «точку отсчета» (learning time, LT) и меняет интерпретацию показателей времени с абсолютной на относительную. При этом использование форм с этим маркером допустимо только при

наличии пространственно-временной дистанции между событием, о котором идет речь, и событием получения информации [Коев 2016: 16–18]³. Ключевую роль в аргументации Т. Коева играют контексты «позднего осознания» (*late realization*), которые будут рассмотрены в разделе 5.1.3. Анализ, согласно которому ЕАТ является компонентом значения эвиденциальных показателей, представлен и в других работах, посвященных рассмотрению семантики этих показателей в конкретных языках [Татевосов 2019: 16–17; Maisak, Tatevosov 2007: 400–403; Lee 2011; Smirnova 2013].

Предметом исследования настоящей статьи является выражение эвиденциальности в собственно хваршинском диалекте хваршинского языка (западно-цезская подгруппа < цезская группа < аваро-андо-цезская ветвь < нахско-дагестанская семья). Рассматривая в нем две формы прошедшего времени, которые в предшествующих работах считаются противопоставленными по признаку прямого/непрямого доступа к информации [Khali-lova, Testelet (in print)], мы приходим к выводу о том, что такое описание не вполне учитывает все особенности их употребления. В настоящей работе предлагается альтернативная трактовка этой оппозиции, при которой центральное место занимает не источник информации как таковой, а момент ее получения говорящим. В частности, делается предположение, что основное значение формы непрямого прошедшего времени — указание на то, что получение информации о событии происходит позднее, чем само событие. Такой подход, насколько нам известно, не применялся раньше для описания аналогичного противопоставления в каких-либо нахско-дагестанских языках.

Большинство примеров, используемых в настоящей статье в качестве иллюстративных, были получены методом элицитации: переводом предложений с русского (при предварительном заданном контексте), оценкой приемлемости (в той или иной ситуации) хваршинских предложений, а также в ответ на просьбу привести пример их употребления; всего было опрошено шесть носителей собственно хваршинского диалекта.

Структура статьи устроена следующим образом: в разделе 1 приводится общая информация об устройстве эвиденциальных систем в нахско-дагестанских языках; в разделе 2 — краткая справка о хваршинском языке; в разделе 3 дается предварительный взгляд на противопоставление двух форм прошедшего времени; в разделе 4 обсуждается привативный характер этого противопоставления; в разделе 5 отдельно рассматриваются употребления формы непрямого прошедшего и предлагается модель ее описания. Заключительный раздел содержит обобщение.

1. Эвиденциальность в нахско-дагестанских языках: обзор

Дагестан относится к языковым ареалам, входящим в т. н. «пояс эвиденциальности» — протяженную область на территории Евразии⁴, многие языки которой имеют особые грамматические средства для указания на источник информации [Plungian 2010: 19–20]. Большая часть этих языков имеет относительно простые «бинарные» эвиденциальные системы, т. е. противопоставляет всего два типа значений: прямой доступ к информации и не прямой. В некоторых из них форма, указывающая на не прямой доступ, является маркированной, в то время как другая оказывается нейтральной в этом отношении. Такие

³ Приведенное описание в большей степени соответствует статье Т. Коева [Коев 2016]; согласно анализу, проводимому в его более ранней работе [Коев 2011], использование эвиденциального маркера указывает на то, что получение информации о событии происходит не позднее самого события; такой анализ требует специальных оговорок для случаев употребления этого маркера в не прошедших временах [Коев 2011: 129–131].

⁴ Эта область представляет собой широкую полосу, которая, захватывая Балканы и Малую Азию, тянется к Дальнему Востоку через Кавказ, Южную Азию и Южную Сибирь.

системы зафиксированы во многих нахско-дагестанских языках, для которых характерно наличие общего способа выражения не прямой эвиденциальности наряду с более специализированными маркерами репортатива или (реже) инферентива и отсутствие особого маркера прямого доступа к информации [Verhees 2022]⁵.

К формальным средствам, используемым в нахско-дагестанских языках для маркирования эвиденциальности, можно отнести:

- временные формы;
- специализированные энклитики и суффиксы;
- специализированные вспомогательные глаголы.

Эвиденциальность в этих языках часто реализуется как одно из значений перфектной серии глагольных форм [Verhees 2020]: развитие инферентивной, а затем и более широкой не прямой эвиденциальности у перфекта является одной из типологически распространенных эвиденциальных стратегий, что связано с его центральной функцией — фокусированием на результате [Aikhenvald 2004: 112–116]. В данном случае речь идет именно об эвиденциальной стратегии, т. к. не прямой доступ к информации не является основным значением этой формы и выводится в качестве импликатуры. Реже встречается ситуация, когда значение не прямой эвиденциальности становится для такой формы основным, что наблюдается, например, в ингушском, чеченском и некоторых даргинских идиомах [Forker 2018: 499–500]. В этих языках существуют две глагольные формы прошедшего времени, одна из которых используется для маркирования не прямого доступа к информации. Разные стратегии используются в группе цезских языков: в восточноцезских противопоставляются аналитический перфект и синтетический претерит, тогда как в западноцезских — две синтетические претеритные формы [Khalilova 2011: 31]. Противопоставление двух форм может иметь разный характер: в одних языках это эквиполентная оппозиция, в которой обе формы являются маркированными; в других не прямой эвиденциальности противопоставлена нейтральная форма (привативная оппозиция) [Forker 2018: 500].

Энклитики и суффиксы обычно используются для маркирования репортатива и/или квотатива и часто являются грамматикализированными глаголами речи [Verhees 2021]. Маркер цитации, или квотатив, указывает на то, что часть текста не принадлежит говорящему, а лишь передается им в качестве чужого высказывания или мысли [Güldemann 2008: 3–15]. Для нахско-дагестанских языков характерно использование прямой цитации, при которой дейктические элементы цитируемого высказывания ориентированы на автора текста, а клаузы финитны [Verhees 2021]. Репортатив же входит в набор базовых эвиденциальных граммем, и его основной функцией является указание на то, что информация получена с чьих-то слов. В нахско-дагестанских языках репортатив может маркироваться так же, как и квотатив, а может выражаться специализированным показателем [Ibid.]. Так, в восточноцезских языках в обоих случаях обычно используется один и тот же маркер, а в западноцезских — два разных, из которых маркер квотатива всегда сопровождает цитату при глаголе речи, а маркер репортатива часто употребляется в нарративных контекстах [Khalilova 2011: 42–44]. Существуют и показатели другого типа: так, в лакском языке клитизованная форма глагола со значением «казаться» используется для выражения инферентивной эвиденциальности [Friedman 2007: 367–368]; в цахурском есть частица *jī*, основное значение которой, согласно [Maisak, Tatevosov 2007: 400–403], сводится к указанию на то, что момент получения информации предшествует моменту речи.

⁵ Подробный обзор эвиденциальности в нахско-дагестанских языках дается в статье [Forker 2018] и диссертации [Ферхеес 2019]; краткий обзор приводится в статьях [Verhees 2020; 2021; 2022] для TALD (Typological Atlas of the Languages of Daghestan). Эвиденциальности в цезских языках посвящена статья [Khalilova 2011]. Кроме того, соответствующий раздел существует в грамматике инхокваринского диалекта хваршинского [Khalilova 2009: 221–241].

В аналитических эвиденциальных конструкциях в качестве вспомогательных используются глаголы со значением «находить» или «становиться». Такие конструкции чаще всего указывают на получение информации с помощью доступных визуальному наблюдению результатов, однако иногда могут маркировать и другие типы непрямой эвиденциальности [Forker 2018].

В хваршинском языке представлены все три перечисленных способа выражения эвиденциальных значений: специальные глагольные формы, клитика *lla*, совмещающая функции квотатива и репортатива (что нетипично для западноцезских языков), и аналитическая конструкция с глаголом *isa* 'находить' (различным употреблением этого глагола посвящена статья [Лютикова 2023]). В настоящей работе мы сосредоточимся только на первом из них, а именно на двух синтетических глагольных формах прошедшего времени.

2. Общая информация о хваршинском языке

Хваршинский язык относится к западноцезским языкам, входящим в цезскую группу аваро-андо-цезской ветви нахско-дагестанской семьи. В нем выделяют два крупных диалекта: инхокваринский и собственно хваршинский, разница между которыми велика в достаточной степени, чтобы считать их разными языками [Тестелец 1998: 82]. Инхокваринскому диалекту посвящена подробная грамматика [Khalilova 2009], а также недавно вышедший словарь [Джидалаев и др. 2022]. Примеры на хваршинском, приводимые в работах, чаще всего принадлежат именно инхокваринскому диалекту. О собственно хваршинском известно гораздо меньше: основной теоретической работой по нему является грамматический очерк [Khalilova, Testelelets (in print)]; кроме того, издано некоторое количество работ, посвященных отдельным явлениям этого диалекта, см. [Тестелец 2019; Лютикова 2020; 2021; 2023] и др.

Носители хваршинского языка, которых в настоящее время насчитывается порядка 2,2 тыс. человек⁶, проживают в Цумадинском, Хасавюртовском и Кизилюртовском районах Дагестана. На собственно хваршинском варианте разговаривают в горных селах Хварши и Хонох, а также в многоязычном селе Муцалаул, куда хваршинцы, живущие летом в горах, спускаются зимой. Язык относится к бесписьменным, однако большинство носителей знают аварский и владеют аварским письмом, которое используют и для записи своего родного языка. Материал для настоящего исследования был собран во время экспедиций в 2023 г. в селах Муцалаул и Хонох.

3. Противопоставление прошедших времен

В хваршинском прошедшее время может маркироваться двумя глагольными формами, ассоциированными с разными источниками информации⁷. В собственно хваршинском диалекте форма, указывающая на получение информации о событии косвенным способом, образуется с помощью суффикса *-na*⁸. Ей противопоставлена форма, образованная с помощью суффикса *-a* и сопровождающаяся морфонологическими изменениями в основе

⁶ Данные переписи населения 2020 г.

⁷ Такое описание приводится в существующих работах как для инхокваринского [Khalilova 2009], так и для собственно хваршинского [Khalilova, Testelelets (in print)] диалектов.

⁸ Аналогичным образом образуется и нарративный конверб, который, однако, выглядит иначе под отрицанием.

(геминацией или инфиксацией <j>); согласно [Khalilova, Testelets (in print)], она «обозначает событие, засвидетельствованное говорящим». Далее мы будем, говоря об этих формах, называть их непрямым и прямым прошедшим соответственно⁹. Аналогичные формы различаются и в инхокваринском диалекте. В грамматике [Khalilova 2009: 221–222] их оппозиция также рассматривается как эквиолентная, т. е. говорится, что форма прямого прошедшего указывает на получение информации в результате непосредственного наблюдения за событием или участия в нем, тогда как форма непрямого прошедшего указывает на получение информации из косвенных источников. В аналитических конструкциях, на сочетание с которыми у них нет ограничений, форму прямого или непрямого прошедшего принимает вспомогательный глагол *eša* ‘быть’. Взаимодействие видо-временной семантики этих конструкций с семантикой форм прошедшего времени композиционально и далее в работе затрагиваться не будет.

Контраст между прямым и непрямым прошедшим в собственно хваршинском осознается носителями: при сопоставлении предложений на хваршинском, включающих эти формы, были получены следующие комментарии относительно того, являлся ли говорящий свидетелем события в каждом из случаев:

- (1) a. *is-i kavat lixe-χ-χa*
DEM.O.I.SG-ERG бумага рваться-CAUS-PST.W
‘Он порвал письмо’ («перед твоими глазами порвал»).
- b. *is-i kavat lixe-χ-na*
DEM.O.I.SG-ERG бумага рваться-CAUS-PST.U
‘Он порвал письмо’ («ты не видишь, что он рвет»; «кто-то тебе об этом рассказал»).

Если контекстом задаются разные источники информации, носители при переводе в качестве первой реакции используют разные глагольные формы:

- (2) Контекст 1: Я видела, как шел дождь.
Контекст 2: Я не видела, но слышала, как капли стучали за окном.

hūlχo qeta liχ-χa
вчера дождь идти_вниз-PST.W
‘Вчера шел дождь’.

- (3) Контекст 1: Кто-то мне рассказал.
Контекст 2: Я проснулся и увидел за окном лужи.

hūlχo qeta liχ-na
вчера дождь идти_вниз-PST.U
‘Вчера шел дождь’.

Употребление первого прошедшего в контексте 2 в (2) показывает, что носители предпочитают использовать эту форму в т. ч. тогда, когда говорящий, не наблюдая за событием своими глазами, является тем не менее его свидетелем, получающим информацию, например, с помощью слуха.

⁹ Нам неизвестны примеры использования этих терминов в русскоязычной литературе (хотя в англоязычной литературе встречаются такие варианты, как (in)direct evidential past, см., например, [Verhees 2020]); тем не менее они кажутся нам достаточно прозрачными и более удобными, чем традиционное «заглазное» прошедшее (у которого нет эквивалента для противопоставленной ему формы) или громоздкое «(не)засвидетельствованное» прошедшее. В то же время при глоссировании мы, вслед за [Khalilova 2009], будем использовать сокращения, соответствующие последнему варианту в английском переводе: PST.W (past witnessed) для прямого и PST.U (past unwitnessed) для непрямого прошедшего.

В вопросительных клаузах наблюдается схожая дистрибуция используемых при переводе форм в зависимости от контекста, которая, однако, сопровождается бóльшей степенью варьирования. Согласно [Forker 2018: 494], в нахско-дагестанских языках (а также, согласно [Khalilova 2009: 240–241], и в инхокваринском диалекте хваршинского) эвиденциальность в вопросах указывает на предполагаемый источник информации слушающего, а не говорящего. Это соответствует данным собственно хваршинского: при описании ситуаций, предполагающих разные источники информации у говорящего, носители используют одни и те же глагольные формы (4). Если слушающий является сознательным участником ситуации, не прямое прошедшее не допускается, что связано, по-видимому, с теми же эффектами «потери контроля» и «апостериорного распознавания», которые происходят в утвердительных контекстах при сочетании непрямого прошедшего с первым лицом (см. раздел 5.2):

- (4) Контекст 1: Я видел, как Шамиль что-то жег, и уточняю у него, что именно.
 Контекст 2: Я захожу во двор и вижу, что на улице летают пепел и обрывки страниц.
 Контекст 3: Мне рассказали, что это он жег книгу, и я хочу уточнить у него.

*m-i hūlχo hibaj-ba-n l-ak'ʷa-χ-χa / *l-ak'ʷa-χ-na*
 2SG-ERG вчера что-PL-ADD NHPL-жечь-CAUS-PST.W NHPL-жечь-CAUS-PST.U

‘Что ты вчера жег?’

При описании ситуаций, предполагающих разные источники информации у слушающего, допускается использование обеих форм, однако в случае прямого наблюдения и инферентивного вывода в переводах, данных носителями, встречалось только прямое прошедшее (5a), а в репортативном контексте — обе формы (5b):

- (5) а. Контекст 1: Аминат дома (если Шамиль придет, она его увидит), я звоню ей.
 Контекст 2: Мы с Аминат подходим к дому. У Аминат лучше зрение, поэтому, если на пороге стоит обувь Шамя, она увидит.

Šamil at'iq'q'a / OK at't'a-na idu-kol
 Шамиль приходит-PST.W приходит-PST.U дом-DIR

[Я спрашиваю у Аминат:] ‘Шамиль пришел домой?’

- б. Контекст: Мы с Аминат подходим к дому Шамя, около него стоит мама Шамя, к которой я посылаю Аминат спросить, пришел ли Шамиль домой. Потом Аминат возвращается, и я спрашиваю у нее, пришел ли Шамиль.

Šamil at't'a-na / at'iq'q'a idu-kol
 Шамиль приходит-PST.U приходит-PST.W дом-DIR

[Я спрашиваю у Аминат:] ‘Шамиль пришел домой?’

Таким образом, в вопросах также наблюдается корреляция между тем, какая форма используется, и источником информации. Однако распределение этих форм уже не является строгим: обе формы допустимы во всех контекстах, предполагающих различные источники информации у слушающего, при этом, если смотреть только на первую реакцию носителей, прямое прошедшее имеет чуть более широкую дистрибуцию, чем не прямое прошедшее. Также, по всей видимости, противопоставление этих форм в вопросительных контекстах хуже осознается самими носителями, о чем можно судить, например, по отсутствию комментариев, аналогичных приведенным в (1).

Тем не менее и в утвердительных клаузах значение прямого или непрямого доступа не является обязательным: его можно отменить правым контекстом. Так, пример (6a) предполагает, что источником информации являются слова другого человека, при этом возможно употребление формы прямого прошедшего; в примере (6b) допускается использование формы непрямого прошедшего при эксплицитно выраженном наличии

непосредственного наблюдения, см. более подробное обсуждение этого примера в разделе 5.1.3.

- (6) а. *is-i* *kavat* *lixe-x-xa,* *di-qo-l* *žu*
 DEM.O.I.SG-ERG бумага рваться-CAUS-PST.W 1SG-CONT-LAT DEM.DIST.ABS.SG
il-ža
 сказать-PST.W
 ‘Он порвал бумагу, мне об этом сказали’.
- б. *is-i* *kavat* *lixe-x-na,* *di-l* *žu* *j-ajka*
 DEM.O.I.SG-ERG бумага рваться-CAUS-PST.U 1SG-DAT DEM.DIST.ABS.SG V-видеть-PST.W
 ‘Он порвал бумагу, я это видел’.

Возможность отмены указания на источник информации свидетельствует в пользу того, что такое значение не является для рассматриваемых форм основным, а выводится в качестве контекстной имплицатуры из какого-то другого значения, лежащего в основе их противопоставления.

4. К вопросу о характере рассматриваемой оппозиции

Выше уже говорилось о том, что в грамматике инхокваринского идиома оппозиция двух форм прошедшего времени рассматривается как эквиполентная; так же она описывается и в других цезских языках [Khalilova 2011] (см. также подробнее об оппозиции в цезском [Comrie, Polinsky 2007]). Однако данные собственно хваршинского указывают на то, что в нем эта оппозиция носит скорее привативный характер.

Несмотря на явно существующее в прошедшем времени противопоставление, без эксплицитно заданного источника информации носителями значительно чаще порождается форма прямого прошедшего. Это подтверждается следующими данными: из 68 предложений в прошедшем времени с разными глаголами, полученных в качестве перевода с русского без какого-либо дополнительного контекста, только шесть содержали формы непрямого прошедшего (в качестве материала был взят список из 130 предложений с разными предикатами, собранных в рамках проекта по анализу бивалентных конструкций [Gorbunova, Chernov 2023]¹⁰). Такое распределение говорит о том, что форма прямого прошедшего скорее является нейтральной, т. е. предпочтительной в случаях, когда говорящий ничего не может и не хочет сказать об источнике, стоящем за высказываемой пропозицией.

Вне эвиденциального контекста прямое прошедшее также используется и в случае, если речь идет о состоянии, не поддающемся прямому наблюдению (в т. ч. при описании внутреннего состояния человека или когнитивных процессов). По сравнению с непрямым прошедшим (например, в ответ на просьбу привести для каждого из вариантов пример ситуации, в которой его использование естественно) предложение с формой прямого прошедшего получает интерпретацию, из которой следует, что говорящий догадался о состоянии человека по каким-либо внешним признакам¹¹:

- (7) *žu* *ujl'a*
 DEM.DIST.ABS.SG бояться-PST.W
 [Мы проходили вчера с другом мимо злой собаки] ‘Он боялся’ (это было видно по нему).

¹⁰ Переводы предложений, входящих в этот список, собирались коллегами автора настоящей статьи у тех же носителей, с которым работал автор, что и мотивировало использовать их в нашей аргументации. Автор выражает благодарность И. М. Горбуновой за эту идею.

¹¹ Использование непрямого прошедшего в аналогичных предложениях обсуждается в разделе 5.1.1.

- (8) *Madina ezziġan urvid-da*
 Мадина много думать-PST.W
 ‘Мадина долго думала’ (я видела, что она сидела задумчивая).
- (9) *Rasul Aminat-λ'o buža-ha ejča*
 Расул Аминат-SUP верить-PRS AUX.PST.W
 ‘Расул верил Аминат’ (я поняла это по его поступкам).

Такое использование контрастирует с примерами из цезского, в котором, согласно [Comrie, Polinsky 2007], для описания эмоций или убеждений другого человека используется непрямо прошедшее, тогда как с помощью прямого прошедшего можно описать только собственные эмоции:

- (10) Цезский [Comrie, Polinsky 2007: 338]
- a. *di urɣelyo-λe-r y-egi-s* / **y-egi-n*
 1SG печаль-SUB-LAT II-двигаться-PST.W II-двигаться-PST.U
 ‘Мне стало грустно (букв. «я погрузился в печаль»)’.
- b. *y-egi-n* / *ʔy-egi-s urɣelyo-λe-r c'oyore-s baru*
 II-двигаться-PST.U II-двигаться-PST.W печаль-SUB-LAT вор-GEN I жена
 ‘Жене вора стало грустно’.

Возможность (и естественность) сочетания прямого прошедшего в собственно хваршинском с предикатами подобного рода говорит о том, что использование этой формы необязательно указывает на наличие прямого доступа к информации, который в примерах (7)–(9) исключен, так как описываемые в них ситуации не поддаются непосредственному наблюдению, а суждение о психоэмоциональном состоянии человека по внешним признакам всегда включает некоторый логический вывод. Это подтверждает ранее сделанное предположение о том, что прямое прошедшее является нейтральной, т. е. немаркированной формой. Интерпретация, которую эта форма часто получает, а именно наличие прямого наблюдения — по всей видимости, контекстная импликатура, возникающая за счет того, что говорящий не употребил форму непрямого прошедшего. Последняя является маркированной и всегда несет дополнительную семантику.

5. Семантика непрямого прошедшего

5.1. Возможные интерпретации

5.1.1. Косвенные источники

Как уже было сказано, непрямо прошедшее обычно используется для указания на тот факт, что говорящий не был свидетелем ситуации. Для того, чтобы говорящий каким-то образом все же получил информацию о событии, необходимо наличие косвенных источников. В качестве такого источника могут выступать другие люди (см. раздел 3, контекст 1 в (3)) или наблюдаемый результат, например, лужи, оставшиеся после дождя (см. раздел 3, контекст 2 в (3)).

В сочетании с предикатами, описывающими внутреннее состояние человека или его когнитивные процессы, форма непрямого прошедшего указывает на то, что об этом состоянии говорящий узнает впоследствии. Обычная интерпретация в таком случае — информация была получена от самого экспериенцера:

- (11) *žu uł'-na*
DEM.DIST.ABS.SG бояться-PST.U
[Мы проходили вчера с другом мимо злой собаки] 'Он, оказывается, боялся' (никак не проявил, что испугался, но потом об этом рассказал).
- (12) *Madina ezziġan urvida-na*
Мадина много думать-PST.U
'Мадина долго думала' (я об этом не знала, она сама мне рассказала).
- (13) *Rasul Aminat-ġ'o buża-ha eċċa-na*
Расул Аминат-SUP верить-PRS AUX-PST.U
'Расул верил Аминат' (я этого не замечала, но потом кто-то из них об этом мне сказал).

5.1.2. Фольклорный нарратив

Зачастую одна из эвиденциальных форм является маркером фольклорных нарративов — историй, передающихся из поколения в поколение и повествующих о событиях, происходивших (в действительности или нет) давным-давно. Так как свидетелем этих событий говорящий по очевидным причинам быть не мог, для таких контекстов характерно конвенционализированное использование формы, маркирующей один из видов не прямой эвиденциальности [Aikhenvald 2004: 310–315]. В хваршинском языке не прямое прошедшее используется в разных фольклорных жанрах, таких как сказки, легенды и былины; обычно им маркируются глагольные формы (естественно, за исключением входящих в прямую речь) на протяжении всего повествования [Khalilova, Testeletz (in print)]. Ниже в качестве примера приводится предложение из детской сказки «Мышь и ворона» (сборник «Хваршинский фольклор»):

- (14) *j-as-na āq 'w-i vade-s k'ak'a cusa-ġ-na.*
V-брать-CVB мышь-ERG ворона-GEN1 лапа прятаться-CAUS-PST.U
'Мышь взяла воронью лапу и спрятала [ее]'. [Каримова 2014: 488]

5.1.3. Осознание увиденного

В контексте, указывающем на наличие прямого наблюдения, употребление не прямого прошедшего приводит к появлению интерпретаций, как-либо характеризующих ситуацию получения информации. В частности, оно может указывать на то, что в момент, когда событие имело место, говорящий не осознавал, что именно происходит, а понял это только впоследствии. Так, интерпретация, данная в примере (15), подразумевает, что в момент, когда участник описываемой ситуации рвал бумагу, говорящий не понимал, что он делает, несмотря на то что являлся свидетелем события как такового:

- (15) *is-i kavat lixe-ġ-na, di-l žu j-ajka*
DEM.O.I.SG-ERG бумага рваться-CAUS-PST.U 1SG-DAT DEM.DIST.ABS.SG V-видеть-PST.W
'Он порвал бумагу, я это видел' (не сразу понял, что именно он делал).

Схожие случаи описаны в работах Т. А. Майсака и С. Г. Татевосова как примеры «апостериорного распознавания» — эффекта, возникающего при взаимодействии форм косвенной засвидетельствованности с первым лицом [Майсак, Татевосов 2000: 71–73; Татевосов 2007: 363–366]. Говорящий, принимающий сознательное участие в ситуации, не сразу фиксирует все детали происходящего, информация о которых до него доходит позднее (см. также раздел 5.2). В работе [Aikhenvald 2004: 102, 156–157, 209] этот эффект носит название «отложенной реализации» (deferred realization) и рассматривается как расширение семантики форм, маркирующих не прямую эвиденциальность.

В примере (15) говорящий является не участником, а только свидетелем ситуации, но точно так же с опозданием понимает, что именно он наблюдал. Эффект «позднего осознания» (late realization) вне контекстов первого лица рассматривается в работах [Коев 2011: 125; 2016: 3–7] в качестве контраргумента к традиционному описанию семантики болгарских эвиденциальных глагольных форм (см. введение).

5.1.4. Всплывшее воспоминание

Несколько другая интерпретация представлена в примере (16), когда не прямое прошедшее (при точно так же отмененном правым контекстом значений непрямого доступа) указывает на то, что информация о событии является забытым воспоминанием, которое только что всплыло в голове говорящего:

- (16) *hũlχo qeta liχ-χo l-eča-na, di-l*
 вчера дождь идти_вниз-PRS IV-AUX-PST.U 1SG-DAT
žu l-ajka
 DEM.DIST.ABS.SG IV-видеть\PST.W

‘Вчера, оказывается, шел дождь, а я видела’ (сейчас об этом вспомнила).

5.1.5. Получение информации с опозданием

Если информация о событии получена из косвенного источника, из этого обычно естественным образом следует, что говорящий получил эту информацию уже после того, как событие произошло. В некоторых контекстах такое значение десинхронизации между произошедшим в мире изменением и приобретением знания об этом изменении становится основным значением непрямого прошедшего, противопоставляющим его прямому прошедшему. Интерпретацию запоздалого получения информации имеют предикаты, описывающие состояния, которые сложно или невозможно наблюдать со стороны. При сочетании с такими предикатами, как уже было сказано выше (см. раздел 4), вне контекста обычно использование прямого прошедшего. Использование непрямого прошедшего в таких случаях носители интерпретируют как маркер того, что информация была получена после того, как описываемая ситуация имела место в действительности. При такой интерпретации в качестве контекстной имплицатуры часто возникает дополнительное значение «соседствования» момента получения информации и момента речи на временной оси:

- (17) a. *Šamile-l Aminat goqa-ha j-ejča*
 Шамиль-DAT Аминат любить-PRS II-AUX-PST.W

‘Шамиль любил Аминат’ (я знала об этом еще тогда, когда он ее любил).

- b. *Šamile-l Aminat goqa-ha j-eča-na*
 Шамиль-DAT Аминат любить-PRS II-AUX-PST.U

‘Шамиль любил Аминат’ (я услышала от кого-то только сейчас).

5.2. Непрямое прошедшее и первое лицо

В сочетании с первым лицом так же, как и в других случаях без заранее заданного контекста, дефолтно используемой формой является прямое прошедшее, а не прямое прошедшее привносит какое-либо дополнительное значение. Разные типы интерпретаций, возникающих при исполь-

зовании непрямой эвиденциальности в контексте первого лица, подробно обсуждаются в работе [Майсак, Татевосов 2000]. В частности, помимо эффекта бессознательности, о которой обычно говорят при обсуждении подобных контекстов, см., например, [Aikhenvald 2004: 219–231], авторы приводят примеры, в которых наблюдаются эффекты «апостериорного распознавания параметров ситуации» и «апостериорной идентификации ситуации». В первом случае говорящий до конца осознает ситуацию, участником которой он хотя и являлся, однако какие-то ее параметры оставались для него до поры неизвестными; во втором случае говорящий, участвующий в ситуации, не сразу осознает «истинный смысл» происходящего. Все эти эффекты в целом можно описать как проявление принципа потери контроля говорящего над ситуацией (полной или частичной). Аналогичные примеры можно наблюдать и при сочетании формы непрямого прошедшего с первым лицом в хваршинском.

Так, в примерах (18a) и (18b) говорящий, являясь участником ситуации, узнает о том, что именно произошло, только впоследствии:

- (18) a. *de n-iča-na hemu*
 1SG-ERG V-глотать-PST.U косточка
 ‘Оказывается, я проглотила косточку’ (сама об этом не знала).
- b. *m-i di-lo lek'-na*
 2SG-ERG 1SG-GEN2 ударить-PST.U
 ‘Оказывается, ты меня ударила’ (я не знала об этом, а сейчас узнала).

Подобная интерпретация сохраняется и в сочетании непрямого прошедшего с эмотивными предикатами: говорящий не сразу осознает, в каком эмоциональном состоянии он находился в некоторый момент времени, ср. (19).

- (19) a. *da j-uł'-na*
 1SG II-пугаться-PST.U
 ‘Оказывается, я испугалась’ (только сейчас это поняла).
- b. *di-l ma goqa-ha j-eča-na*
 1SG-DAT 2SG любить-PRS II-AUX.PST.U
 ‘Я тебя любил’ (сам не понимал, а оказывается, любил).

В сочетании с предикатами, описывающими мыслительный процесс, такая интерпретация также допустима:

- (20) *da il-i hibana-λ'o ezzišan urvida-na*
 1SG DEM.O.NONL.SG-O вещь-SUP много думать-PST.U
 ‘Я об этом уже, оказывается, задумывалась’ (сама не заметила).

Стоит отметить, что употребление непрямого прошедшего в контексте, включающем участника первого лица, в принципе разрешается не всеми носителями: небольшая их часть допускает в таком случае только использование прямого прошедшего. Допустимость непрямого прошедшего зависит в том числе от того, насколько естественной носителю кажется итоговая интерпретация. Этим, по всей видимости, можно объяснить и появление запретов на использование непрямого прошедшего в контексте второго лица, см. пример (4).

5.3. Десинхронизация

Основным значением, выражаемым оппозицией двух форм прошедшего времени в нахско-дагестанских языках, считается источник информации: получению информации из косвенного источника противопоставлено получение информации с помощью собственных органов чувств. Однако такое значение может быть отменено, что свидетельствует

в пользу его имплицитного характера, ср. (6). Кроме того, не все употребления непрямого прошедшего соответствуют приведенному описанию: человек может быть свидетелем события, но осознать или вспомнить его позднее. Такая интерпретация характерна для сочетаний непрямого прошедшего с первым лицом, см. примеры (18)–(20), однако возможна и в других случаях, ср. (15)–(17). Прямое прошедшее, напротив, необязательно указывает на наличие прямого наблюдения за ситуацией, о чем говорит возможность его сочетания с эмотивными и прочими предикатами, описывающими внутреннее состояние человека, не поддающееся прямому наблюдению, ср. (7)–(9). В таком случае оно говорит о получении информации с помощью логического вывода на основании некоторых косвенных признаков, т. е. о том, что получение информации происходило одновременно с ситуацией. Сочетание того же типа предикатов с непрямым прошедшим свидетельствует о более позднем получении информации (обычно от самого экспериенцера), которому, судя по часто получаемым от носителей комментариям, предшествовал некоторый период неведения о состоянии экспериенцера, см. примеры (11)–(13).

Мы предполагаем, что для описания дистрибуции форм прошедшего времени лучше подходит модель, в которой их противопоставление основано не на источнике информации, а на времени ее получения. Мы уже говорили о том, что использование косвенных источников (в случае, если речь идет о ситуации в прошлом) почти всегда подразумевает, что информация о событии была получена позднее, чем само событие имело место. Соответственно, развести эти два значения довольно сложно. Однако контексты, предполагающие прямое наблюдение, но при этом допускающие употребление непрямого прошедшего, сопровождаемое интерпретацией позднего осознания, см. (15), гораздо больше соответствуют второму. Если же человек вспоминает забытую информацию, можно сказать, что он получает ее заново, при этом доставая не из косвенного источника, а из собственной памяти, см. (16). В случаях, когда прямое наблюдение за ситуацией скорее невозможно, позднее приобретение знания о некотором факте может реализоваться как единственная интерпретация непрямого прошедшего, см. (22). Это значение десинхронизации получения информации о событии и самого события, возможно, и является основным значением этой формы, отличающим его от прямого прошедшего. Такая трактовка, вслед за [Татевосов 2019; Hirayama, Matthewson 2022; Maisak, Tatevosov 2007; Коев 2011; 2016; Lee 2011; Smirnova 2013; Üzümlü 2023], перемещает акцент при анализе семантики эвиденциальных показателей с источника информации на саму ситуацию получения информации, которая имеет собственное расположение на временной оси. Предлагаемый нами анализ наиболее близок к представленному в работах [Татевосов 2019] и [Коев 2011], в которых также делается предположение, что основное значение эвиденциальных форм, восходящих к перфекту (в мишарском татарском и болгарском¹² соответственно) — указание на то, что событие приобретения информации об описываемой ситуации происходит позднее самой ситуации. При этом работ, предлагающих аналогичный анализ для эвиденциальных показателей в каких-либо других нахско-дагестанских языках, нам неизвестно.

Реализация противопоставления, основанного на «десинхронизации», также демонстрируется следующими примерами:

- (21) a. *Aminate-l žu lik'e-he I-ejča*
 Аминат-DAT DEM.DIST.ABS.SG знать-PRS IV-AUX.PST.W
 'Аминат знала об этом' (мы узнали об этом вместе).

- b. *Aminate-l žu lik'e-he I-eča-na*
 Аминат-DAT DEM.DIST.ABS.SG знать-PRS IV-AUX-PST.U
 'Оказывается, Аминат знала об этом' (до того, как об этом узнала я).

¹² Как уже говорилось выше, анализ, представленный в последующей работе Т. Коева [Коев 2016], сильно видоизменен по сравнению с версией 2011 г. и уже не ограничивается указанием на «более позднее» получение информации.

В (21) говорящий не может узнать о том, располагает Аминат некоторой информацией или нет, иначе как от нее самой, от кого-то другого или на основе логического вывода. Таким образом, в обоих случаях источник информации является косвенным. Разница между двумя примерами заключается в том, когда именно говорящий ее получает. Судя по комментариям носителей, использование прямого прошедшего более уместно в случае, когда говорящий с самого начала знает о том, что Аминат располагает некоторой информацией, т. к. получил ее вместе с ней в один и тот же момент (21a). С другой стороны, использование непрямого прошедшего уместнее, когда говорящий какое-то время не знает ничего, и только впоследствии узнает то, о чем Аминат знала и раньше (21b). Соответственно, факт наличия этой информации у Аминат также становится известным говорящему позднее.

Еще один пример, показывающий, что на использование непрямого прошедшего влияет не источник, а время получения информации, приводится ниже:

- (22) Контекст: говорящий слушал по радио футбольный матч, узнавая о том, что происходит, от комментатора, сопровождающего пояснениями все происходящее на поле. В тот же момент, когда один из игроков забивал гол, комментатор кричал «гол». На следующий день говорящий рассказывает об этом матче.

a. *hũłχo is-i gol l-ejk'a*
 вчера DEM.O.I.SG-ERG гол IV-ударить\PST.W
 'Вчера он забил гол'.

b. *hũłχo dij-a kamanda b-ik-wa*
 вчера 1SG-GENI команда III-проиграть-PST.W
 'Вчера моя команда проиграла'.

Ни один из носителей не использовал в этом контексте не прямое прошедшее, несмотря на то что в данном случае говорящий не являлся свидетелем ситуации (в том числе нельзя сказать, что говорящий имел к ситуации непосредственный слуховой доступ, так как из звуков самой игры, передаваемых по радио, вряд ли можно извлечь какую-то релевантную информацию о результатах игры). Несмотря на нейтральный характер формы прямого прошедшего, пример (22) является показательным, т. к. при элицитации в контекстах, задающих косвенный источник информации, носители всегда использовали форму непрямого прошедшего, ср. (3). В (22) говорящий узнавал о событии в тот же момент, когда оно происходило, и никакой десинхронизации между реальностью и получением информации о ней, следовательно, не было.

Заключение

Оппозиция двух форм прошедшего времени в хваршинском языке в предшествующих работах [Khalilova 2009; Khalilova, Testelefs (in print)] рассматривается как эвиденциальная: считается, что в ее основе лежит указание на прямой или не прямой доступ к информации. Однако наши данные показывают, что это значение не является обязательным. В частности, сама по себе оппозиция имеет привативный характер: маркированная форма непрямого прошедшего противопоставлена нейтральной форме прямого прошедшего. Использование непрямого прошедшего может, помимо непрямого доступа к информации, указывать на то, что говорящий не сразу осознал или понял все детали увиденного или вообще забыл о произошедшем. В некоторых контекстах (например, с эмотивными глаголами) единственным значением этой формы, отличающим ее от прямого прошедшего, является факт получения информации о событии после его реализации. Таким образом, данная форма указывает на то, что момент приобретения

информации говорящим — тот момент, когда эта информация была получена им и стала частью его актуального знания, т. е. знания о мире в момент речи — наступает позднее, чем ситуация, о которой идет речь.

Интересно было бы проверить предлагаемую нами модель описания, смоделировав в реальном времени условия, при которых косвенному источнику информации соответствует ее «синхронизированное» получение, как это происходит в примере (22). Например, можно попросить одного человека (X) рассказывать другому человеку (Y) о ситуации, которую X в данный момент наблюдает, при том, что Y ни наблюдать, ни как-то иначе воспринимать эту ситуацию напрямую не может. Какие формы прошедшего времени будет использовать Y, рассказывая об этой ситуации кому-то еще? Результаты, полученные при подобном эксперименте, позволили бы более четко развести значения времени получения информации и способа ее получения.

Также встает вопрос о том, насколько широко предлагаемый в настоящей работе анализ применим для эвиденциальных систем хваршинского типа, т. е. бинарных систем, в которых эвиденциальное противопоставление реализуется как часть глагольной парадигмы, а одна из противопоставляемых форм восходит к перфекту (этот же вопрос поднимается С. Г. Татевосовым [2019]). В работах, предлагающих аналогичный анализ, рассматриваются языки с ситемами именно такого типа (мишарский татарский в [Татевосов 2019], болгарский в [Коев 2011]). Можно ли разделить такие системы на «собственно эвиденциальные», в которых противопоставление основано на типе источника информации, и те, в которых это противопоставление основано на «десинхронизации» события и получения информации о нем? Для ответа на этот вопрос необходимы дальнейшие исследования и, в частности, более пристальное изучение бинарных эвиденциальных систем в различных языках.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1 — первое лицо
 2 — второе лицо
 I, II, III, IV, V — согласовательные классы
 ABL — аблатив
 ABS — абсолютив
 ACC — аккузатив
 ADD — аддитивная частица
 ANTR — антериорис
 AUX — вспомогательный глагол
 CAUS — каузатив
 COM — комитатив
 CONT — контэссив
 CVB — конверб
 DAT — датив
 DEM — демонстратив
 DIR — директив
 DIST — дистальный дейктик
 ERG — эргатив
 FUT — будущее время
 GEN1 — первый генитив
 GEN2 — второй генитив
 GNT — общее время

HPL — согласовательный класс для множества людей
 IN — инэссив
 INTER — интеррогатив
 LAT — латив
 NARR — нарратив
 NEG — отрицание
 NHPL — согласовательный класс для множества не людей
 NONI — любой согласовательный класс, кроме I
 O — косвенная основа
 PL — множественное число
 PRS — настоящее время
 PST.U — непрямое прошедшее время
 PST.W — прямое прошедшее время
 QT — квотатив
 REP — репортатив
 REPET — репетитив
 SG — единственное число
 SUP — супер (локализация)
 TOP — топик

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Джидалаев и др. 2022 — Джидалаев Н. С., Магомедова З. Д., Халилов М. Ш. *Словарь хваршинского языка*. Махачкала: Алеф, 2022. [Dzhidalaev N. S., Magomedova Z. D., Khalilov M. Sh. *Slovar' khvarshinskogo yazyka* [A dictionary of Khwarshi]. Makhachkala: Alef, 2022.]
- Каримова 2014 — Каримова Р. Ш. *Хваршинский фольклор*. Лейпциг; Махачкала: Алеф, 2014. [Karimova R. Sh. *Khvarshinskii fol'klor* [Khwarshi folklore]. Leipzig; Makhachkala: Alef, 2014.]
- Лютикова 2020 — Лютикова Е. А. Грамматикализация каузативной конструкции в хваршинском языке. *ВАПросы языкознания: мегасборник наностатей. Сб. ст. к юбилею В. А. Плунгяна*. Кибрик А. А., Семенова Кс. П., Сичинава Д. В., Татевосов С. Г., Урманчиева А. Ю. (ред.). М.: Буки Веди, 2020, 558–567. [Lyutikova E. A. Grammaticalisation of a causative construction in Khwarshi. *VAProsy jazykoznanija: megasbornik nanostatei. Papers on the occasion of V. A. Plungian's anniversary*. Kibrik A. A., Semenova Ks. P., Sitchinava D. V., Tatevosov S. G., Urmanchieva A. Yu. (eds.). Moscow: Buki Vedi, 2020, 558–567.]
- Лютикова 2021 — Лютикова Е. А. Атрибутив как лицензор предикативной структуры в хваршинской именной группе. *Малые языки в большой лингвистике*. Вып. 3. Семенова Кс. П. (ред.). М.: Буки Веди, 2021, 92–105. [Lyutikova E. A. Attributivizer as a licenser of predication in Khwarshi noun phrase. *Malye yazyki v bol'shoi lingvistike*. No. 3. Semenova X. P. (ed.). Moscow: Buki Vedi, 2021, 92–105.]
- Лютикова 2023 — Лютикова Е. А. От полипредикации к эвиденциальным и условным конструкциям: хваршинские находки. *Состав науки: Сб. ст. к юбилею Веры Исааковны Подлесской*. М.: Буки Веди, 2023, 108–129. [Lyutikova E. A. From multiple-clause sentences to evidential and conditional constructions: Khwarshi findings. *Sostav nauki: Papers on the occasion of Vera Isaakovna Podlesskaya's anniversary*. Moscow: Buki Vedi, 2023, 108–129.]
- Майсак, Татевосов 1999 — Майсак Т. А., Татевосов С. Г. Грамматические категории глагола. Употребление глагольных форм. *Элементы цахурского языка в типологическом освещении*. Кибрик А. Е., Тестелец Я. Г. (ред.). М.: Наследие, 1999, 202–292. [Maisak T. A., Tatevosov S. G. Grammatical categories of a verb. Use of verb forms. *Elementy tsakhurskogo v tipologicheskom osveshchenii*. Kibrik A. E., Testeleets Ya. G. (ed.). Moscow: Nasledie, 1999, 202–292.]
- Майсак, Татевосов 2000 — Майсак Т. А., Татевосов С. Г. Пространство говорящего в категориях грамматики, или Чего нельзя сказать о себе самом. *Вопросы языкознания*, 2000, 5: 68–80. [Maisak T. A., Tatevosov S. G. The “space” of the speaker as expressed in categories of grammar: what is impossible to say of one’s own self. *Voprosy Jazykoznanija*, 2000, 5: 68–80.]
- Татевосов 2007 — Татевосов С. Г. Эвиденциальность и адмиратив в багвалинском языке. *Эвиденциальность в языках Европы и Азии*. Храковский В. С. (ред.). СПб.: Наука, 2007, 351–397. [Tatevosov S. G. Evidentiality and admirative in Bagvalal. *Evidentsial'nost v yazykakh Evropy i Azii*. Khrakovsky V. S. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 2007, 351–397.]
- Татевосов 2019 — Татевосов С. Г. Эвиденциальность и абдукция. *Сб. ст. к 85-летию В. С. Храковского*. Герасимов Д. В., Дмитренко С. Ю., Заика Н. М. (ред.). М.: Языки славянских культур, 2019, 463–495. [Tatevosov S. G. Evidentiality and abduction. *Papers on the occasion of V. S. Khrakovsky's 85th anniversary*. Moscow: Yazyki slavyanskykh kul'tur, 2019, 463–495.]
- Тестелец 1998 — Тестелец Я. Г. Хваршинский язык. *Языки мира: Кавказские языки*. Алексеев М. Е. (отв. ред.). М.: Academia, 1998, 82–89. [Testeleets Ya. G. The Khwarshi language. *Yazyki mira: Kavkazskie yazyki*. Alekseev M. E. (ed.). Moscow: Academia, 1998, 82–89.]
- Тестелец 2019 — Тестелец Я. Г. Язык для книги рекордов Гиннесса: пятнадцать (или больше?) рефлексивных местоимений в хваршинском языке. *Rhema. Pema*, 2019, 2: 77–99. [Testeleets Ya. G. A language for Guinness World Records: Fifteen (or more?) reflexive pronouns in Khwarshi. *Rhema. Pema*, 2019, 2: 77–99.]
- Ферхеес 2019 — Ферхеес Я. Х. Эвиденциальность как часть видо-временной системы глагола в нахско-дагестанских языках. Дис. ... канд. филол. наук. М.: НИУ ВШЭ, 2019. [Verhees J. H. *Evidentsial'nost' kak chast' vido-vremennoi sistemy glagola v nakhsko-dagestanskikh yazykakh* [Evidentiality as part of tense-aspect in East Caucasian languages]. Candidate diss. Moscow: HSE Univ., 2019.]
- Храковский 2007 — Храковский В. С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность. *Эвиденциальность в языках Европы и Азии*. Храковский В. С. (ред.). СПб.: Наука, 2007, 604–632. [Khrakovsky V. S. Evidentiality, epistemic modality, (ad)mirativity. *Evidentsial'nost' v yazykakh Evropy i Azii*. Khrakovsky V. S. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 2007, 604–632.]

- Храковский (ред.) 2007 — Храковский В. С. (ред.). *Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сб. ст. памяти Натальи Андреевны Козинцевой*. СПб.: Наука, 2007. [Khrakovsky V. S. (ed.). *Evidential 'nost' v yazykakh Evropy i Azii* [Evidentiality in the languages of Europe]. *Coll. of papers in memoriam of Natalia Andreevna Kozintseva*. St. Petersburg: Nauka, 2007, 604–632.]
- Aikhenvald 2004 — Aikhenvald A. Y. *Evidentiality*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004.
- Aikhenvald (ed.) 2018 — Aikhenvald A. Y. (ed.). *The Oxford handbook of evidentiality*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2018.
- Aikhenvald, Dixon (eds.) 2003 — Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. (eds.). *Studies in evidentiality*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2003.
- Aikhenvald, Dixon (eds.) 2014 — Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. (eds.). *The grammar of knowledge: A cross-linguistic typology, explorations in linguistic typology*. Vol. 7. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014.
- Chafe, Nichols (eds.) 1986 — Chafe W. L., Nichols J. (eds.). *Evidentiality: The linguistic coding of epistemology*. Vol. 20. Norwood (NJ): Ablex Publ. Corporation, 1986.
- Comrie, Polinsky 2007 — Comrie B., Polinsky M. Evidentials in Tsez. *L'énonciation médiatisée II : Le traitement épistémologique de l'information : illustrations amérindiennes et caucasiennes*. Guentchéva Z., Landaburu J. (eds.). Louvain; Paris; Dudley (MA): Peeters, 2007, 335–350.
- Forker 2018 — Forker D. Evidentiality in Nakh-Daghestanian Languages. *The Oxford handbook of evidentiality*. Aikhenvald A. Y. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2018, 490–509.
- Friedman 2007 — Friedman V. A. The expression of speaker subjectivity in Lak (Daghestan). *L'énonciation médiatisée II : Le traitement épistémologique de l'information : illustrations amérindiennes et caucasiennes*. Guentchéva Z., Landaburu J. (eds.). Louvain; Paris; Dudley (MA): Peeters, 2007, 351–376.
- Gorbunova, Chernov 2023 — Gorbunova I. M., Chernov Y. A. Bivalent patterns in Khwarshi. *BivalTyp: Typological database of bivalent verbs and their encoding frames*. Say S. (ed.). St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, 2023. <https://www.bivaltyp.info>.
- Güldemann 2008 — Güldemann T. *Quotative indexes in African languages: A synchronic and diachronic survey*. Berlin; New York: Mouton De Gruyter, 2008.
- Hirayama, Matthewson 2022 — Hirayama Y., Matthewson L. Evidential-temporal interactions do not (always) come for free. *Journal of Pragmatics*, 2022, 193: 173–188.
- Izvorski R. — Izvorski R. The present perfect as an epistemic modal. *Proceedings of SALT 7*, 1997: 222–239.
- Johanson 2003 — Johanson L. Evidentiality in Turkic. *Studies in evidentiality*. Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2003, 273–290.
- Khalilova 2009 — Khalilova Z. M. *A grammar of Khwarshi*. Ph.D. diss. Leiden Univ. Utrecht: LOT, 2009.
- Khalilova 2011 — Khalilova Z. M. Evidentiality in Tsezic languages. *Linguistic Discovery*, 2011, 9(2): 30–48.
- Khalilova, Testeleis (in print) — Khalilova Z. M., Testeleis Y. G. *Khwarshi. The Caucasian languages. An international handbook*. Berlin: De Gruyter Mouton. In print.
- Koev 2011 — Koev T. Evidentiality and temporal distance learning. *Proceedings of SALT 21*, 2011: 115–134.
- Koev 2016 — Koev T. Evidentiality, learning events and spatiotemporal distance: The view from Bulgarian. *Journal of semantics*, 2017, 34(1): 1–41.
- Lazard 1999 — Lazard G. Mirativity, evidentiality, mediativity, or other? *Linguistic Typology*, 1999, 3(1): 91–110.
- Lee 2011 — Lee J. The Korean evidential *-te*: A modal analysis. *Empirical Issues in Syntax and Semantics*, 2011, 8: 287–311.
- Maisak, Tatevosov 2007 — Maisak T., Tatevosov S. Beyond evidentiality and mirativity: Evidence from Tsakhur. *L'énonciation médiatisée II : Le traitement épistémologique de l'information : illustrations amérindiennes et caucasiennes*. Guentchéva Z., Landaburu J. (eds.). Louvain; Paris; Dudley (MA): Peeters, 2007, 377–406.
- Plungian 2010 — Plungian V. A. Types of verbal evidentiality marking: An overview. *Linguistic realization of evidentiality in European languages*. Diewald G., Smirnova E. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2010, 15–58.
- Sauerland, Schenner 2007 — Sauerland U., Schenner M. Embedded evidentials in Bulgarian. *Proceedings of Sinn und Bedeutung*, 2007, 11: 525–539.
- Smirnova 2013 — Smirnova A. Evidentiality in Bulgarian: Temporality, epistemic modality, and information source. *Journal of Semantics*, 2013, 30(4): 479–532.
- Üzüm 2023 — Üzüm M. The distinction between synchronous and retrospective inferences in Uzbek. *Archiv orientální*, 2023, 91(1): 89–111.

-
- Verhees 2020 — Verhees S. Evidentiality as part of the tense system. *Typological atlas of the languages of Daghestan* (TALD). Daniel M., Filatov K., Moroz G., Mukhin T., Naccarato C., Verhees S. Moscow: HSE Univ., 2020. <http://lingconlab.ru/dagatlas/>.
- Verhees 2021 — Verhees S. Particles of reported speech and inference. *Typological atlas of the languages of Daghestan* (TALD). Daniel M., Filatov K., Moroz G., Mukhin T., Naccarato C., Verhees S. Moscow: HSE Univ., 2021.
- Verhees 2022 — Verhees S. Evidentiality. *Typological atlas of the languages of Daghestan* (TALD). Daniel M., Filatov K., Moroz G., Mukhin T., Naccarato C., Verhees S. Moscow: HSE Univ., 2022.

Получено / received 02.10.2023

Принято / accepted 30.01.2024